

Война без восклицательных знаков

В фильме «Живой» Александру Велединскому чудесным образом удалось избежать фальши

Екатерина Барабаш

Отвоевав в Чечне, отлежав в госпитале и получив протез взамен ампутированной ноги, контрактник Кир отправляется на гражданку. По дороге покупает другу в подарок саблю, которой по ходу дела приговораживает к полу взяточника-военкома. Потом стоит на шоссе, ловит машину. Скрип тормозов, слепящие фары, удар, крик «Пацаны!!!» – так он кричал там, в чеченских горах. Пацаны, погибшие там, на войне, вдруг являются здесь во

рассматривалась удручающе однобоко. Вспомним «Войну» Алексея Балабанова, «Прорыв» Виталия Лукина. В этом смысле Велединский ничего не продолжает, он не впадает в щенячий патриотизм, не пускает сопли по поводу героизма ребят-федералов, не объясняет нам, что чеченцы – подонки, но среди них попадаются и нормальные люди. Все персонажи – и Кир, и его друзья-призраки – пошли на войну за деньгами. Правда, Кир робко пытается оговориться, что, мол, если б не деньги, то все равно

В этой картине есть изящество танка – красиво, но смертельно тяжело

весь рост, в тех самых маскхалатах, с теми самыми тяжелыми гранатометами на плече и начинают долгое путешествие с Киrom по гражданке. Их никто не видит, этих ребят, кроме самого Кира, малолетней девочки, пьяного уличного философа и довоенной любимой девушки Кира Тани. Почему только они – можно догадаться, а можно и вовсе не гадать. Как можно не гадать, что там на самом деле происходит, в этом странном междумирье, где мертвецы живые живых, живые уродливые самых изувеченных трупов, где даже главный герой толком не знает, жив он или все-таки мертв. Он периодически щиплет себя – может, сейчас проснусь? – но не просыпается, пацаны не исчезают.

Неправильно было бы сказать, что «Живой» Александра Велединского продолжает тему чеченской войны. Тема чеченской войны в российском кино до сего момента

бы пошел, но тем не менее пошел-то за деньги, на свадьбу заработать хотел. Так что никакого романтизма. И воспоминания о том, как его спасали, как он кого-то спасал – лишь очередной повод для надрыва, для лишнего стакана водки, для истерики.

В фильме нет романтики смерти на войне в мирное время, и уже за одно это можно Велединскому сказать спасибо. Достаточно вспомнить «Войну» Балабанова, где главную роль сыграл тот же Андрей Чадов, что играет Кира в «Живом», – до чего же перевернутая, уродливая романтика войны за якобы правое дело, болезненная радость от того, что парень не может больше жить на гражданке и возвращается в чеченское пекло. Вот так повод для радости! Или пафосный, от первого гитара до последнего слова лживый «Прорыв», хоть и основанный на реальных событиях, – ура иньякам-федералам! смерть подле-

Живой. Кадр из одноименного фильма. Независимая 2006-28 сент. - С. М. Фото взято с официального сайта киноленты

цам-боевикам! Надоевшие морально-художественные клише, обнажающие безответственность художника, столь неосторожно представляющего акценты. И это в стране, где война на окраине тянется больше десяти лет, где выросло целое поколение людей, не знающих ничего, кроме войны, но зато знающих четко, что мир делится на мусульман и врагов.

Слава Богу, ничего этого в «Живом» нет. Есть еще одно потерянное поколение (сколько, интересно, мы потеряли их на пути к светлому будущему тире демократии?),

потерянное и растерянное настолько, что ему проще и легче там, где нет ни мира, ни войны, ни любви, ни предательства. И где нет Бога, потому что с ним, оказывается, еще путаннее. Зато есть ад, который, оказывается, до банального прост: очень холодно и курить все время хочется.

Фильм во многом несовершенен, автор порой сбивается на банальности, которых так трудно избежать, когда речь идет о войне. Но при этом авторам и актерам все же чудесным образом удалось избежать фальши, которая есть почти

неизменная спутница фильмов о войне. Может, сюрреалистическая манера, в которой сделана картина, – единственно верная на данный момент, когда мы еще не в состоянии осмыслить кошмар грязной ненужной войны, когда нужно еще время, чтобы сделать это разумно и без непременно фальши? Сюрреалистическая манера освобождает автора от расставления акцентов, точек и восклицательных знаков, здесь легче ставить вопросы, предоставляя зрителю возможность самому давать себе ответы на эти вопросы. Или не давать.

В этой картине есть изящество танка – красиво, но смертельно тяжело. Болевые точки нащупаны, надо только прицельно по ним ударить. Фильм и бьет – если не прицельно, то по крайней мере старательно и честно, без фальши.

Никогда не путешествуйте с мертвецом, предупреждал Джим Джармуш. Вам с ним не по пути. Иначе вам предстоит разделить его участь. Вот только четко понять, где кончается царство живых и начинается царство мертвых, можно не всегда. В забавной стране мы живем...